

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

DOI: 10.31857/S023620070026104-1

©2023 А.В. ПРОКОФЬЕВ

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, МОРАЛЬНЫЕ САНКЦИИ И ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОРАЛИ

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора этики.
Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
ORCID: 0000-0001-5015-8226
avprok2006@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о том, какое место в моральном опыте занимают моральные санкции — способ выражения ретроспективной моральной ответственности. Под моральными санкциями подразумеваются негативные последствия действия, пренебрегающего ценностно-нормативными ориентирами морали. Моральные санкции включают в себя осуждение агента со стороны других и его самоосуждение. Автор стремится установить, все ли ценностно-нормативное содержание морали поддерживается санкциями. Сначала он анализирует на этот предмет моральные нормы (правила, требования), выступающие источником моральных обязанностей. Попытка показать, что поддержка санкциями не является неотъемлемым признаком обязанности, была предпринята Г. Хартом. По мнению автора, Харт не учитывает «концептуальную интуицию» неразрывной связи обязанности с ответственностью и подотчетностью (формулировка С. Даруолла). Эта интуиция глубоко укоренена в моральном сознании и этической мысли (яркие ее выразители — С. Пуфендорф и Дж.С. Милль). Однако ценностно-нормативное содержание морали не ограничивается нормами (правилами,

могут быть внутренними, то есть обращенными агентом на самого себя, и внешними — обращенными на агента другими людьми. В этической теории есть прецеденты как исключения внутренних санкций из числа моральных, так и, наоборот, закрепления статуса подлинно моральных санкций только за ними [см.: Прокофьев, 2022б]. В данной статье я буду исходить из того, что моральные санкции являются идеальными, но при этом могут быть как внутренними (эмоционально нагруженное самоосуждение, обращение агентом упреков самому себе), так и внешними (осуждение агента окружающими).

Когда речь заходит о ретроспективном выражении моральной ответственности, то есть о том, несет ли какой-то агент ответственность за свое действие и за его последствия, то имеется в виду именно обоснованность наложения моральных санкций — обращения к агенту с упреками в том, что последний намеренно, по небрежности или по неосторожности действовал не так, как это предполагается ценностно-нормативными ориентирами морали. Отклонение подобных упреков может исходить из метафизических соображений, связанных со свободой воли, оценки общей «моральной вменяемости» конкретного агента, оценки его информированности и возможностей контроля над событиями в конкретной ситуации, а также от разграничений внутри ценностно-нормативного содержания морали. Последний вариант и задает проблематику данной статьи. Она посвящена вопросу о том, присутствуют ли санкции в процессе морального ориентирования поведения агентов повсеместно. Если нет, то агент может правомерно отклонить упрек в пренебрежении ценностно-нормативными ориентирами морали на основе того, что он пренебрег той их частью, которая не влечет за собой упреков. Если да, то такой возможности не существует.

Параллель из области философии права

Вклад в разрешение обозначенной теоретической контроверзы может внести анализ интересной параллели из философии права. Аналогом утверждения о повсеместном присутствии санкций в сфере морали выступает тезис о неразрывной связи правовой санкции с правовой нормой, а также с правовой обязанностью. Он укоренен как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях природы права.

В советской и российской юридической науке правовая норма традиционно рассматривается как сочетание таких элементов, как гипотеза, диспозиция, санкция, где под гипотезой понимаются

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

Однако и с упомянутыми поправками определение права, опирающееся на связку «команда (приказ, требование) — санкция», уязвимо, что и показывает Харт. У него есть линия аргументации, направленная на выявление тех видов правовых норм, которые без подгасовок невозможно воспринимать как команды, подкрепленные санкциями. Она мало интересна в качестве параллели этическим спорам. Но имеет место и другая линия, которая касается той области права, где связь между нарушением нормы и санкциями наиболее очевидна. Речь идет об уголовном праве. Харт считает, что мысленное устранение из уголовного права санкций не мешает ему оставаться прозрачной системой стандартов поведения, обращенной в этом случае не одновременно к должностным лицам и тем людям, чьи действия могут угрожать чужой жизни, здоровью или имуществу, а исключительно к последним [Харт, 2007: 42]. Даже там, где в существующих ныне правовых системах присутствие санкций неоспоримо, эти санкции логически отделимы от нормативного содержания законов.

Чтобы продемонстрировать отсутствие связи между санкциями и самой природой права, Харт выходит на более высокий уровень обобщения и исследует феномен обязанности как таковой. Он обращает внимание на неоднородность терминологии, которая обозначает обязывание, и полагает, что концепция Остина «эксплуатирует» эту неоднородность, распространяя одно из обозначений на все остальные. «Правдоподобие схемы с вооруженным грабителем для объяснения смысла понятия “обязанность”, — пишет Харт, — обусловлено тем фактом, что это именно тот случай, когда мы уверенно можем сказать, что Б [жертва грабителя], если он принял решение повиноваться, будет “должен” отдать свои деньги. Однако, с другой стороны, ясно, что мы ошибочно истолкуем смысл ситуации, если скажем, что Б “имел долг” или “обязанность” отдать деньги» [там же: 88]. Русский перевод этого часто цитируемого в правовой литературе высказывания Харта не совсем строг: формулировку «B was obliged» точнее было бы перевести не как «Б будет должен», а как «Б обязали», хотя формулировка «B had an obligation» действительно переводится как «Б имел обязанность» [Hart, 1994: 82].

В чем состоит различие формулировок? В варианте со словом «обязали» предпочтительные в целом для агента действия (здесь — сохранение денег) становятся неприемлемыми в связи с аранжированными кем-то последствиями таких действий (здесь — потеря жизни или болезненное ранение). Менее серьезная угроза могла бы не сработать, и грабителю не удалось бы «обязать» клерка. Но если кто-то «имеет обязанность», то ее наличие не зависит от того, получилось ли принудить агента в действительности, и

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

достойно повиновения. Возвращаясь к рассуждению Харта об уголовном праве, справедливо предположить, что именно с внутренней точки зрения уголовный закон может оставаться законом без уголовных санкций. И даже более того, именно в такой перспективе отделение содержания уголовного закона от санкций не только логически возможно, но и «желаемо» [там же: 42]. Те же самые основания, которые заставляют общество вводить наказания, потребовали бы отмены последних, если бы этому не было фактических препятствий. Лишь некоторые особенности общественной жизни человека и необходимость защищать интересы тех, кто смотрит на правила с внутренней точки зрения, от тех, кто относится к ним внешним образом, ведут к учреждению системы уголовных санкций.

Для решения задач данного исследования аргументацию, использованную Хартом против Остина, можно перенести в контекст философии морали. Полагаю, что этому не может препятствовать то обстоятельство, что теория права Харта, как и теория права Остина, относится к правовому позитивизму в широком смысле этого понятия. В первом издании «Понятия права» (1961) Харт утверждал, что морально сомнительные правила вполне могут быть правовыми, а затем через три десятилетия в послесловии ко второму изданию этой работы уточнил свою позицию: несмотря на наличие множества ситуативных связей между содержанием морали и содержанием права, между ними отсутствуют связи концептуальные [Харт, 2007: 213; Hart, 1994: 268]. Однако, как уже говорилось, Харт перевел свою дискуссию с Остином о роли санкций в правовых системах на уровень обсуждения ключевого для морального опыта и этической теории понятия «обязанность» — без дополнительных его характеристик, таких как «правовая» и «моральная». Другим весомым доводом для использования теории права Харта в качестве отправной точки для обсуждения роли санкций в системе морали является то обстоятельство, что Харт рассматривал в качестве основания социальных феноменов морали и права так называемые «первичные правила обязанности» (подробнее о них будет сказано ниже).

Итак, если обязанность — это такой феномен, который по своей сути связан не с понуждением, а с признанием обоснованности требования, то моральная обязанность также не имеет необходимой связи с санкционным воздействием. Проекция позиции Харта в область морали ведет к признанию того, что моральные санкции выступают вынужденным дополнением к моральной обязанности, которое возникает вследствие каких-то частных, ситуативных, приводящих обстоятельств, но никак не неизбежным следствием существования обязанности, а тем более чем-то концептуально

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

в себе определенное противоречие в духе парадокса Евтифрона, поскольку предполагает, что долг благодарности не заповедан нам Богом, а является изначальным. Но в любом случае она отражает тезис о неразрывной связи нормативных оснований обязательного действия и санкций за его несовершенство. Гипотетически перед Божественным законодателем стоит выбор: а) дать людям требования, сопроводив последние их обоснованием (опираться на совестную регуляцию поведения); б) дать людям требования, пригрозив им санкциями (опираться на страх и прагматический расчет); в) дать людям требования, совместив в них апелляцию к их совести с устрашением. Казалось бы, преимущественным вариантом является первый, оставляющий человеку предельную свободу, а с ней — возможность достичь предельного совершенства. Однако Пуфендорф данный вариант не обсуждает. Для него «очищенная» от угрозы санкциями совестная регуляция попросту невозможна. И даже более того, хотя сама совесть выступает в том числе в своей ретроспективной, карающей ипостаси, она не только подсказывает нам решения, но и осуждает нас за ошибки, этого осуждения не хватает для формирования достаточно сильной моральной мотивации. С точки зрения Пуфендорфа, морального агента может мотивировать только внешняя санкция, а не самоосуждение или последующее за ним наказание самого себя. Подлинно моральным мотивом Пуфендорф считает «страх, смешанный с почтением» [ibid.: 95]. Иными словами, Создатель, по мнению Пуфендорфа, избрал третью из имевшихся у него возможностей (подробнее об обязанностях и ответственности у Пуфендорфа пишет С. Даруолл [см.: Darwall, 2013]).

Глубинные истоки свойственного Пуфендорфу понимания обязанности и ретроспективной ответственности С. Даруолл описывает следующим образом: «Теория Пуфендорфа сконструирована именно так, чтобы ухватить следующую концептуальную интуицию: что-то может быть по настоящему обязательным лишь в том случае, если те, на кого возложена обязанность, могут по справедливости нести ответственность и быть призваны к ответу» [ibid.: 197]. Вменяемость агента в сочетании с наличием закона означает его подсанкционность, и эта триада задает для Пуфендорфа границы области морального в широком смысле этого слова, объединяющем мораль и право в их современных значениях.

В более поздней этической мысли ту же идею артикулировал Дж.С. Милль, наполняящий содержанием идею морали именно с помощью понятий «обязанность» и «санкция». Милль пишет: «Идея карательных санкций, которая является сущностью закона, входит... в... понятие любого неправильного поведения.

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

критическую важность их исполнения» — «признание агентом этого обоснования» — «готовность агента к исполнению правил несмотря на личные потери». Агент, стоящий на внутренней точке зрения, признает авторитет источника правила, поэтому его (агента) поведение не зависит от того, полагаются или не полагаются какие-нибудь санкции за нарушение. Если считать, что обязанность действительно определяется совокупностью указанных выше элементов, то относящийся к системе правил внешним образом не имеет обязанностей, поскольку *не признает и не исполняет* предписания и запреты этой системы. Однако, по мнению всех, стоящих на внутренней точке зрения, он, без сомнения, эту обязанность имеет, и подтверждением тому является именно его подсанкционность (Харт это тоже понимает, поскольку упоминает «жулика», который имеет обязанность, хотя ее и не признает [Харт, 2007: 93]).

Подсанкционность присутствует и в том случае, если выпадает только один, последний элемент представленной выше совокупности — «готовность агента к исполнению правил несмотря на личные потери». Признание системы правил, как известно, не гарантирует ее исполнения. Нарушение правил может быть связано со слабостью воли и тогда сам агент или те, кто извне оценивает его поведение, будут рассматривать последнее как основу для применения более или менее жестких санкций. Это означает, что формулировка «иметь обязанность» распространяется и на те случаи, когда агент не отвергает систему правил, но последствия сбоя в его волевой сфере вызывают ретроспективное самоосуждение и осуждение со стороны окружающих. Способом проверки того, имеется ли в каком-то конкретном случае обязанность, является именно предполагаемая реакция на нарушение со стороны стоящих на внутренней точке зрения по отношению к системе правил. Отсюда следует, что элементами, из которых формируется обязанность, являются: «система правил» — «ее обоснование, демонстрирующее критическую важность их исполнения» — «система санкций, следующих за нарушением правил». То, что исполнение обязанности может происходить на основе признания убедительным обоснования правил, а не на основе страха санкций, не меняет в корне ситуацию. Даже тот, кто исполняет обязанности именно на основе убеждения, считает, что если его убеждения ослабеют или ему не хватит для соблюдения правила силы воли, то другие должны будут его осудить, а сам он должен будет испытывать чувство стыда или угрызения совести. Это подтверждает наличие концептуальной связи между обязанностью и санкцией.

Внешнюю правдоподобность рассуждению Харта придает то обстоятельство, что для него на первом плане стоят правовой закон,

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

правовая обязанность и правовые санкции. Правовую обязанность и правовой закон еще можно мысленно отделить от санкций, моральную же обязанность и моральное правило — нет. Об этом свидетельствуют в том числе общая логика и терминология философии права Харта. Для Харта в основе нормативной системы общества, объединяющей право и мораль, лежат так называемые «первичные правила обязанности». В области права они «обрастают» большим количеством вторичных правил, но его ядро составляют именно «первичные». Специфика «первичных правил обязанности», по Харту, состоит в том, что они «отличаются от других как серьезным общественным давлением, поддерживающим их, так и необходимостью в значительной степени жертвовать индивидуальными интересами или склонностями, что подразумевает поведение, согласное с этими правилами» [там же: 172]. «Серьезное общественное давление», показывающее, что правило воспринимается как очень важное «для жизни и здоровья общества», является дефинитивным признаком «первичных правил обязанности». Без такого давления последние не могли бы быть опознаны как правила, порождающие обязанность. Но это, в свою очередь, означает, что обязанности нет, если нет общественного давления, а общественное давление — это, по сути, моральные санкции (у Милля — «наказание... мнением... собратьев»).

Таким образом, у Харта действует следующая схема: обязанность есть там, где присутствует высокая общественная значимость (важность) правила, которая, в свою очередь, выявляется по степени общественного давления, то есть по наличию и силе моральных санкций. Обсуждаемая концептуальная связь обязанности и санкции в этой схеме явно воспроизводится. Что касается правовой обязанности, то ее отрыв от санкций возможен лишь в том случае, если регулятивную роль правовых санкций будут брать на себя санкции моральные. Так могло бы быть в каком-то более совершенном мире, чем наш. Однако еще более совершенный мир, тот, в котором люди вели бы себя нравственно вообще без «общественного давления», стал бы уже не миром моральных обязанностей без санкций, а миром безо всяких обязанностей. Об этом — в заключительной части исследования.

Мораль за пределами санкций и ретроспективной ответственности

Поставленный в начале статьи вопрос о том, возможно ли отклонение упреков в пренебрежении ценностно-нормативными ориентирами морали на основе апелляции к неоднородности таких

ориентиров, теперь обрел более конкретный вид. На основе проведенного анализа установлена неременная связь между нарушением моральной нормы (правила, требования), тождественным неисполнению обязанности, и наложением моральных санкций, состоящих во внешнем осуждении или самоосуждении агента и выступающих выражением ретроспективной моральной ответственности. То, что в конкретной ситуации может не оказаться свидетелей нарушения, обладающих моральной чувствительностью, или то, что сам агент может оказаться бессовестным человеком, является случайным фактором и не влияет на установленную связь. Следовательно, отклонить моральные упреки на обсуждаемом в данной статье основании можно лишь в том случае, если не все ценностно-нормативное содержание морали выражено в виде норм (правил, требований), которые порождают обязанности, или, по-другому, если существует такое содержание морали, реализация которого никак не сопряжена с санкциями и ретроспективной моральной ответственностью.

Что это может быть за содержание? В его поисках стоит обратиться к используемому в этической теории определению «ценностно-нормативный», которое часто сопутствует понятию «содержание морали». Это определение предполагает, что моральные ориентиры, задающие поведение агентов, имеют двойственную природу: кроме норм (правил, требований) они включают в себя моральные ценности. И первые, и вторые по-разному воздействуют на поступки агентов и предполагают разную «механику» противостояния контрморальным психическим импульсам, которые имеют широкий диапазон — от стремления к удовольствию до реализации религиозных, познавательных, эстетических потребностей способами, противоречащими гуманистической установке морали.

Моральные ценности, взятые сами по себе, действуют наподобие магнита, притягивающего покоящийся или уже движущийся по какой-то траектории металлической предмет. Агент задает себе ключевой для античной (а с точки зрения некоторых мыслителей — для любой) этики вопрос: «Как мне следует жить?» Ответом на него служит представление о таком образе жизни, который очевидным образом лучше всех альтернатив как для этого агента, так и для любого человека. Неотъемлемой частью или даже ядром такого образа жизни является особого рода обращение с другими людьми: честное, уважительное, заботливое. Картина наилучшего образа жизни раскрывает перед агентом захватывающую перспективу перехода в качественно иное, высшее состояние. Как правило, эта картина задана не абстрактными и обобщенными характеристиками, а нарративами из жизни тех, кто уже прошел по

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

Безнравственный человек не способен осознать, что быть таким, как он, — уже наказание. Однако другие люди знают, как много он потерял, и понимают, что это именно действие определенной санкции. В отношении подобной ситуации Нозик применяет термин «ценностная санкция» (по всей видимости, чтобы отличить его от упоминаемого в той же работе «санкционирующего поведения», направленного на тех, кто нарушил норму) [Nozick, 1983: 406–411, 714].

Если принять используемую Нозиком терминологию, то оказывается, что в морали нет «пространства», в котором не действовали бы санкции, хотя санкции за безнравственное поведение существенно отличаются друг от друга. Однако подобное словопотребление вряд ли обосновано. Исходная характеристика санкций, приведенная в начале статьи, предполагает, что негативные последствия действия, отклоняющегося от ценностно-нормативных ориентиров поведения, должны быть созданы сознательно и в качестве ответа на такое действие. «Ценностная санкция» Нозика ничего подобного не предполагает. Кроме того, санкции имеют место лишь там, где агент, на которого они наложены, болезненно переживает свои потери (санкционное последствие действия должно быть действительно негативным). Самоосуждение заведомо соответствует этому признаку: невозможно осуждать себя и не испытывать при этом страдания. Осуждение со стороны других тоже ему соответствует, хотя и в меньшей мере. Быть тем, к кому негативно относятся окружающие, по общему правилу неприятно. В случае с «ценностной санкцией» мы не видим ничего подобного, поэтому использование Нозиком слова «санкция» следует считать метафорическим.

Но если нет никакой особой «ценностной санкции», которая задавала бы ретроспективную ответственность в сфере непосредственного действия моральных ценностей, то значит ли это, что в данной сфере санкции полностью отсутствуют? Скорее всего, нет. К такому ответу склоняет анализ способов взаимодействия моральных ценностей и моральных норм (правил, требований). Моральные нормы (правила, требования) есть необходимое, хотя и несовершенное, конкретизированное выражение моральных ценностей. Однако моральные ценности могут определять поведение агента не только с помощью своих нормативных конкретизаций, но и непосредственно. Это непосредственное притяжение ценностей инициирует совершение разных поступков, в том числе тех, которые в свете норм (правил, требований) являются обязательными. Можно сказать, что в каких-то случаях непосредственное притяжение моральных ценностей дублируется нормой (правилом, требованием) и порожденной ими обязанностью.

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

психологической основе, которая не характерна для выполнения обязанности. Его непосредственно притягивают моральные ценности, отраженные в каком-то жизненном нарративе или образе морального совершенства. Если такого притяжения оказывается недостаточно для совершения обязательного поступка и если не срабатывает «страховка», связанная с моральной нормой (правилом, требованием) и актуальным переживанием обязанности, то агент заслуживает осуждения. Таким образом, этот случай не находится за пределами санкций и ретроспективной ответственности. Во-вторых, когда агент совершает поступки, которые не входят в число обязательных, но имеют высокую моральную ценность. Это так называемая область сверхобязательного. В ней нет дублирования непосредственного действия ценностей действием норм (правил, требований), поэтому моральные санкции здесь неуместны. Только эта часть морального ориентирования поведения свободна от ретроспективной ответственности.

Moral Responsibility, Moral Sanctions, and the Content of Morality

Andrey V. Prokofyev

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow of the Department of Ethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5015-8226

avprok2006@mail.ru

Abstract. The paper deals with the problem of the role of moral of sanctions — an expression of retrospective moral responsibility — in the moral experience. Moral sanctions are negative consequences of a moral transgression or deviation that spring from their condemnation. This kind of sanctions includes public censure and self-censure. The author tries to establish whether the all content of morality is supported by moral sanctions. The first object of the analysis are moral norms (rules, requirements) creating obligations. There is an interesting precedent of splitting apart obligations and sanctions in H. Hart's philosophy. Though Hart overlooks "the conceptual intuition that something can be genuinely obligatory only if those who are obligated can justifiably be held responsible or accountable for compliance" (S. Darwall). This intuition is deeply rooted in the moral consciousness and ethical thought (the most vivid examples — S. Pufendorf and J.S. Mill). But moral norms (rules, requirements) creating obligations are not the only element of the content of morality. Moral values have a capacity to influence the behavior of an agent not through norms (rules, requirements) but directly. R. Nozick supposed that there is a special type of sanction in this sphere (the so called "value sanction"). The author shows that it is not a sanction proper. The main conclusion of the paper is as

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

